

УДК 159.9:378.973

«ВЬЕТНАМСКАЯ ТЕМА» В РОМАНЕ БОББИ ЭНН МЕЙСОН «ТАМ И ЗДЕСЬ»

ДУРОВ Борис Юрьевич,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка,
современной русской и зарубежной литературы
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена роману Бобби Энн Мейсон «Там и здесь», который впервые в отечественном литературоведении становится объектом анализа. Рассматриваются тема войны во Вьетнаме и изображение провинциальной Америки, выявлено представление автора о войне во Вьетнаме как о катализаторе перемен в американском обществе 1960-80-х гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: американская литература, тема войны, ветераны, Бобби Энн Мейсон.

“VIETNAMESE THEME” IN BOBBIE ANN MASON’S NOVEL “IN COUNTRY”

DUROV B. Yu.,

Cand. Philolog. Sci., Docent of the Department of Russian Language
and Modern Russian and Foreign Literature,
Voronezh State Pedagogical University

ABSTRACT. The article is devoted to Bobbie Ann Mason’s novel “In Country”, which for the first time in domestic literary criticism becomes the object of analysis. The theme of the war in Vietnam and the depiction of provincial America are considered, the author’s view of the war in Vietnam as a catalyst for changes in American society in the 1960s-1980s is revealed.

KEY WORDS: American literature, war theme, veterans, Bobby Ann Mason.

Возвращение с войны привлекло внимание писателей еще в начале XX века, когда после Первой мировой войны в культуре возникло такое явление, как «потерянное поколение». Как писатели-ветераны, так и другие авторы обратили внимание на то, что молодое поколение вернулось с войны разочарованным в идеалах (ради которых представители этого поколения уходило на войну) и с трудом приспособилось к мирной жизни.

Вообще ветеран является одним из любимых героев американской культуры, как высокой, так и низкой. Что касается серьезной литературы, то основоположником этой темы стал Э. Хемингуэй, представивший ее в своих ранних произведениях, таких, как роман «И восходит солнце» и рассказы из книги «В наше время». В рассказах «Дома» и «На Биг-ривер» возникает тема отчуждения ветеранов, которая решается двояко. В рассказе «Дома» Э. Хемингуэй показывает бывшего солдата Кребса, который, вернувшись в свой город, чувствует полное безразличие к семье и всему окружающему; в рассказе «На Биг-ривер» военному прошлому героя Ника Адамса (которое не описывается) противопоставляется идиллическое изображение природы, с ее рыбной ловлей и безлюдьем. Другой крупнейший писатель-ветеран – Джеймс Джонс завершает свою «военную» трилогию романом «Только позови» (Whistle, 1978, рус. пер. 1982), темой которого становится трагическая невозможность для участников войны обрести душевное равновесие и найти себя спокойной действительности.

В «массовой культуре» образ ветерана становится особенно популярным после Второй мировой войны. В 1950-60-е годы участие в войне истолко-

вывалось как источник мужества и нравственной силы героя. Но после войны во Вьетнаме в изображении ветеранов усилилась противоположная тенденция: их начали показывать как людей, очень тяжело травмированных душевно. Война из источника силы превращается в причину нравственной трагедии ветеранов. Возникает своего рода мода на изображение ветеранов Вьетнама как психопатов, представляющих угрозу себе и окружающим. Американскую прессу заполнили сообщения о ветеранах-психопатах, использовании ими наркотиков и жестокости как повседневной нормы в семьях ветеранов. Эти две тенденции отчетливо прослеживаются как в серьезной, так и массовой культуре Америки на протяжении 1970-90-х годов. Это, в свою очередь, как нам представляется, отражает стоящий до сих пор перед национальным сознанием вопрос: была вьетнамская война справедливой, как настаивает пропаганда, или она была все же трагедией, отравившей сознание как минимум двух поколений.

Отчуждение, испытываемое ветеранами Вьетнама, как отмечают исследователи, не является чем-то абсолютно новым в истории Соединенных Штатов. В 1980 году это состояние было названо посттравматическим стрессовым расстройством. Для него характерны повторяющиеся ночные кошмары, неожиданные вспышки воспоминаний, чувство вины, эмоциональная омертвелость, которая сменяется приступами паники и ярости. «До определенной степени эти симптомы совпадают с тем, что после Первой мировой войны определяли как «контузию», а после Второй мировой войны – как «боевое истощение». Уже психологи работавшие с американскими солдатами, воевавшими против нацистской Германии и милитаристской Японии, определяли своих пациентов как «чужих» в своей стране»

© Дуров Б.Ю., 2017

Информация для связи с автором: bor.durov@yandex.ru

[1, с.163]. Вьетнамский посттравматический синдром – особенно острая форма нервного расстройства, связанная с участием в боевых действиях. По мнению специалистов, ее формирование связано с юным возрастом большинства участников войны, характером войны, в котором не было четкой границы между фронтом и тылом, жестокостью войны, которая объяснялась тем, что главным критерием успеха стало количество убитых солдат противника и тем, что солдаты отправлялись на войну и возвращались с нее в одиночку, а также тем, что американское общество заняло в отношении ветеранов особую позицию.

Известно, что война во Вьетнаме достаточно быстро потеряла популярность. Значительное число американцев, недовольных участием их страны в боевых действиях в юго-восточной Азии, переносило свое недовольство на солдат, называя их «убийцами детей» и часто считая главными виновниками войны. Другие американцы, поддерживая войну, были разочарованы поражением Америки, считали ветеранов неудачниками, проигравшими «легкую» войну. Но большинство просто хотело забыть войну и ее участников.

Роман писательницы Бобби Энн Мейсон «In country» 1985 года («Там и здесь», рус. пер. 1993) занимает особое место в ряду произведений о вьетнамской войне не только потому, что действие его происходит через несколько лет после окончания войны в мирной «одноэтажной» Америке, но и потому, что написан он женщиной и выражает женский взгляд на войну и ее последствия, что встречается совсем не часто в американской прозе о войне. Сама война почти отсутствует в романе, возникшая лишь в виде отрывочных образов, в которых писательница отдает дань уже сложившимся канонам изображения вьетнамской войны в американской литературе. На русский язык название романа переведено как «Там и здесь». Но дословно оно представляет собой игру слов и переводится «в стране» – так американские солдаты говорили о Вьетнаме, противопоставляя его «большому миру». Нам представляется, что переводчикам стоило бы оставить оригинальное название, которое соответствует происходящему в книге, героиня которой, живя в провинции, почти в деревне («country»), стремится оказаться «in country» (то есть во Вьетнаме) и пережить то, что испытали солдаты.

Главная героиня романа – восемнадцатилетняя Саманта Хьюз, или Сэм, как ее называют близкие. Ее отец погиб во Вьетнаме еще до ее рождения. Действие произведения происходит летом 1984 года, когда Сэм только что закончила школу. Героиня, ее дядя-ветеран Эммет и ее бабушка (мать погибшего отца) совершают своеобразное паломничество: они едут в Вашингтон, чтобы сходить к открытому три года назад памятнику погибшим во Вьетнаме. Эпизоды, рассказывающие о путешествии героев, образуют рамку, в которую автор помещает рассказ о нескольких неделях из жизни героини. Саманта находится на распутье между прошлым и будущим. Школа осталась позади, и героиня чувствует, что окончилась важная часть жизни, но, чтобы уверенно чувствовать себя в будущем, ей необходимо разобраться в прошлом, понять, что произошло с ее семьей. Сэм за очень короткий промежуток времени приходится многое узнать и отчасти изменить свои представления о жизни. В романе американской писательницы отчетливо присутствуют элементы романа воспитания, так что главным конфликтом романа становится не столько конфликт между войной и мирной жизнью Хоуп-

велла, сколько столкновение фантазий героини и реальности, с которой она сталкивается в своих поисках правды о войне.

Главный интерес жизни Саманты – война во Вьетнаме. Не желая поддаваться давлению провинциальной повседневности, она фантазирует о другой жизни, представление о которой связывается у нее с войной во Вьетнаме. Вьетнам для нее – часть «большого» мира, совсем не похожего на скучный провинциальный Хоупвелл. Она пытается представить себе войну, на которой всего за месяц до ее рождения погиб ее отец Дуэйн и в которой участвовал ее дядя Эммет.

Провинциальный городок, в котором живет Саманта, относится к ветеранам уважительно-равнодушно. Автор романа показывает, насколько реальные участники войны отличаются от противоположных стереотипов, которые навязываются средствами массовой информации. Несколько персонажей-ветеранов по-прежнему оплакивают своих погибших друзей и стыдятся своего благополучного возвращения домой. Другие тоскуют по напряженной военной жизни, с ее фронтовой дружбой и чувством власти. «Иногда скучаю по тем временам. Странно, все-таки там было что-то совсем особенное», – произносит один из персонажей романа [2, с. 44]. Некоторые из ветеранов по-прежнему злятся, что американским солдатам не дали закончить войну победой, а другие остро переживают непохожесть вьетнамской войны на другие войны. Есть и те, кто решительно порвал с войной.

Наиболее отчетливо воздействие войны заметно в образе Эммета, который является вторым главным персонажем книги. В его характере физические и психологические последствия войны заметны особенно отчетливо. Мы узнаем, что юный Эммет отправился на войну, желая отомстить за сестру, муж которой погиб. Его военный опыт включает в себя традиционный для прозы о вьетнамской войне мотив выжившего: он единственный из своего подразделения уцелел после засады, устроенной партизанами. В образе Эммета автор отдает дань представлению о ветеране, который так и не смог приспособиться к обычной жизни. «Демобилизовавшись, Эммет только две недели пробыл у родителей, а потом уехал куда-то. Вернулся через несколько месяцев ... не один, а со своими друзьями хиппи. В Хоупвелле тогда не водилось ни хиппи, ни пацифистов, и явление Эммета в компании трех грязных, увешанных бусами оборванцев с прическами «конский хвост» произвело сенсацию. Сэм хорошо помнит Эммета в армейской рубашке и черных ботинках, с лиловым налобником, едва видимым из-под копны волос. Потом хиппи уехали, и Эммет притих. Года два занимался в Муррейском университете, а потом бросил. Взялся было стричь газоны, делать мелкий ремонт, а потом и это забросил» [2, с. 15]. У него нет постоянной работы. Эммет существует на деньги, которые дает ему сестра Айрин – мать Саманты, и на скудное вознаграждение за починку сломанных тостеров и фенов.

Хотя стремление Сэм воскресить прошлое, вернуться к войне во Вьетнаме противостоит попыткам Эммета уйти от прошлого между дядей и племянницей устанавливается необычная взаимозависимость. Присутствие Сэм рядом с Эмметом вносит в его жизнь тепло и стабильность. Для Сэм ее дядя, который тоже по-своему заботится о племяннице, становится связью с прошлым, живым напоминанием о войне во Вьетнаме и иногда – источником военных историй. Причудливый мир Эммета, в котором Сэм чувствует себя вполне удобно, и ее поглощенность войной отделяют ее от ровесников.

Конфликт между прошлым и будущим и определят взросление Сэм и предопределяет исход этого взросления.

И в то же время во многих отношениях она остается обычным подростком. Ее жизнь состоит из закусок, музыкального телевидения, компьютерных игр, походов с подругами в торговый центр и встреч с любимым. Ее мать Айрин, которая совсем недавно снова родила и переехала с мужем в город Лексингтон, дает героине возможность вырваться в «большой» мир. Сейчас Айрин уговаривает дочь сделать то же самое, жить с ней в Лексингтоне, учиться в университете. Но если мать Сэм открывает перед ней будущее, то память об отце, неясные отзвуки войны во Вьетнаме и шестидесятых с их протестом против войны и рок-музыкой зовут ее в прошлое. Строго говоря, война во Вьетнаме интересует автора романа не сама по себе, а как своеобразный катализатор перемен в американском обществе, как примета эпохи. Поэтому можно согласиться с тем, что, «изображение ветеранов создает второй тематический фокус романа – исследование влияния войны на американскую культуру и американцев. Автор расширяет рамки повествования, чтобы оценить влияние других социальных и культурных перемен, начавшихся в 1960-е и продолжающихся в 1980-е» [3, с.57]. Сама фигура героини, которая стремится ассоциировать себя с традиционно мужской ролью солдата, свидетельствует о значительных переменах, произошедших в американском обществе с конца 1960-х и разрушивших традиционный мир провинциальной американской женщины, сводившийся в доме, детям и церкви.

Сэм выступает в романе как наивный, но упорный историк, который хочет докопаться до правды и понять, чем была война для ее семьи и страны. Она отчаянно пытается поставить себя на место солдат, воевавших во Вьетнаме. Сэм фантазирует о героизме и самопожертвовании, пытается вжиться в совсем не женскую роль пехотинца на войне. Так как Сэм никогда не была на войне и, так как она все-таки девушка, ветераны ее городка не склонны делиться с ней воспоминаниями. Они благодарны ей за симпатию и поддержку, но считают лишними ее попытки проникнуть в их исключительно мужской мир. В ее желании узнать о войне они усматривают некую неясную угрозу. Традиционно отцы рассказывают о войне сыновьям, мужчины защищают женщин от ужасов войны, писатели описывают войну «по-мужски», ссылаясь на Джона Уэйна или на сексуальный опыт, как в воспоминаниях журналиста М. Герра: «Один мой знакомый английский журналист записал на пленку разрыв тяжелой снаряда и утверждал, что использовал запись, соблазняя американок» [4, с.62]. Эммет прямо указывает Сэм на ее «неправильный» пол, когда она особенно настойчиво допытывается у него о войне: «Женщин там не было. Поэтому они многого не понимают» [2, с. 46]. Другой ветеран тоже подчеркивает преграду, стоящую между воевавшими и невоевавшими: «Перестань думать о Вьетнаме, Самбо. Ты не знаешь, как там было. И никогда не узнаешь. Тебе просто этого не понять, так что выкинь из головы. Ты не сможешь понять, если сама не таскалась по джунглям» [2, с. 62].

Сталкиваясь с нежеланием старших говорить о войне, Сэм в качестве фона своих фантазий использует не Вьетнам, о котором она почти ничего не знает, а родной Хоупвелл, который она заселяет образами, виденными в кино. Постепенно реальность вторгается в придуманный героиней мир. Впервые правда о войне доходит до Сэм в разговоре с женщиной на вечеринке, устроенной городскими

ветеранами, когда собеседница рассказывает Сэм, как американские солдаты отрезали уши у мертвых вьетнамцев. Героиня не желает слушать об этом и бессознательно пытается объяснить услышанное житейскими причинами: «Сэм не хотелось слушать про коллекцию ушей. Она не верила Синди. И поспешила уйти. Синди вообще не умеет веселиться, не то что Анита» [2, с. 55]. Еще большим потрясением для Сэм становится открытие импотенции другого ветерана – Тома, в которого влюбляется героиня. Сексуальное бессилие героя – это традиционный мотив в книгах о ветеранах, символизирующий незаживающие духовные раны. Сразу вспоминается Джейк Барнс – герой романа «И восходит солнце» Э. Хемингуэя.

«Мысль о его увечье ударила ее словно током. Она стала думать обо всех загубленных войной жизнях. Парни, так и не ставшие взрослыми, война лишила их взрослого существования. Они – аутсайдеры, изгои, играют в игрушки, болтаются без дела, ведут себя как подростки, которые из робости не заводят подружку. Это чудовищно, не укладывается в голове...» [2, с.65]. Но самое тяжелое открытие, самое близкое приближение к реальности Вьетнама, которая противостоит романтическому представлению героини о войне, связано с ее отцом. Бабушка и дедушка отдают ей отцовский дневник, который он вел на войне. Дневник содержит то самое послание из прошлого, которого ждет девушка. Она первая в семье читает эти записи, Если отцовские письма с войны, казались ей «до странного легкомысленными» [2, с. 88], то дневник написан серьезно. Серьезность и откровенность дневниковых записей разрушает условный образ войны, созданный Сэм. «Два дня назад мы наткнулись на мертвого гука, гниющего под листьями в небольшом бочажке. Его не убрали, наверное, потому что он был весь засыпан длинными банановыми листьями. Интересно смотреть на раскученное тело, как будто изучаешь его на уроках анатомии. От него как-то особенно воняло», – читает девушка [2, с. 100]. Содержание дневника в целом укладывается в канон вьетнамской военной прозы, уже сложившийся в литературе Соединенных Штатов: патруль, первый бой, гибель друзей, постоянная сырость, труп партизана, первое убийство. Новое здесь в том, что все эти эпизоды войны увиденны глазами совершенно мирного человека. Столкновение с реальностью войны не только меняет идеализированное представление героини о войне, но и разрушает ее представление об отце, с которым у нее связывается представление о надежности и, одновременно, мягкости. На протяжении почти всего романа героиня мысленно ищет поддержки именно у отца: «Солдат на фотографии не меняется. Вот почему он такой надежный» [2, с. 38]. Один из ветеранов Хоупвелла рассказывает девушке об отце: «Он был славный, спокойный, уравновешенный. В общем, хороший парень» [2, с. 53]. Тем больше дневник потрясает Сэм. Вместо симпатичного юноши она видит жестокого полуграмотного подростка, который убивает и не испытывает никакого сострадания к смерти. Отцовский дневник открывает героине темную сторону человека на войне и показывает ограниченность воображения как средства восполнения реальности. Девушка начинает испытывать ненависть к отцу: «Он даже не мог правильно написать «мачете». Как он писал о вьетнамцах! Он хотел их убивать. Я это ненавижу. Я ненавижу его. Он ужасный. Он писал о вьетнамцах «мартышки», он хотел их убивать»

[2, с. 111]. Сэм настолько потрясена прочитанным, что начинает чувствовать физическое недомогание.

При этом в романе происходит взаимопроникновение мирной жизни и войны. Саманта наяву грезит о войне, за привычным окружением представляя образы войны, но и война в отцовских записях описывается через сравнение с повседневной жизнью: «Мартышки» могут свалиться как снег на голову. Точь-в-точь как у нас дома в воскресенье. Нагрянут гости, а у нас что делается, по всей гостиной разбросаны игрушки, папина одежда. Мама бежит, собирает, кричит. Мы должны быть всегда в полной боевой готовности, внушает нам Горластый. Он умеет с нами управляться. Как баскетбольный тренер Джонс» [2, с. 101].

Знакомство с записями отца не только разрушает то идиллическое представление о войне, которое создалось в представлении Сэм, но и усиливает ее неприятие окружающей провинциальной действительности, как бы выявляя все отталкивающее, что проходило мимо сознания героини. Приехав после двухлетнего отсутствия на ферму родителей отца, Сэм поначалу с интересом смотрит вокруг. Но после чтения дневника Сэм с отвращением вспоминает свою поездку к бабушке и дедушке: «Необразованные простолюдины, живут в старом фермерском доме, где такой затхлый воздух и всегда пахнет грязной фермерской одеждой, испачканной навозом. В ванной она чуть не упала, поскользнувшись на липком резиновом коврик, который потихоньку гнил, лежа перед запотевшим шкафчиком. В гостиной телевизор без одной ножки, в углу старая, невозможного вида антенна – пучок железных прутьев с какими-то закорючками, космический монстр, слетевший с экрана телевизора. Бабушка собирала горох в ржавое ведро, в котором была дыра, заткнутая ветошью. У Сэм перед глазами – собака в парше, некрасивый младенец, разросшиеся сорняки, глупая тетушка Донна. Да еще кот с обрезанными ушами – от одного этого хотелось заплакать. А тут еще дневник, в котором гниющий труп, разбухшие саднящие ноги отца, убитый однополчанин...» [2, с. 102]. Дневниковые записи подтверждают подозрение героини, что она никогда по-настоящему не сможет установить духовную связь с отцом. Сэм живет по-своему, и принять отцовский мир она не может и не хочет. Символично, что дневник героиня читает, сидя в городском торговом центре – оплоте стерильной культуры массового потребления, которая в ее сознании резко противопоставлена «грязной» обыденности фермы и войны.

Несмотря на потрясение, обучение Сэм не заканчивается на этом и ее воображение по-прежнему трудится. Растерянная, обиженная на отца и дядю, она обвиняет их в жестокости: «Мужчинам нравятся убивать. Вот чем они занимались и занимаются, сколько стоит мир: это их главная профессия» [2, с.104]. Она решает понять до конца, что переживают солдаты на войне, но в этом стремлении она выглядит особенно по-детски, как будто играет в войну. Сэм забирает спальный мешок, свой рюкзак и привезенное Эмметом из Вьетнама плащ-пончо и отправляется на Каувудское озеро – расположенное неподалеку от города болото, на котором еще сохранилось что-то похожее на дикую природу. Оставшись на озере, она представляет, что идет в головном дозоре, прячется от снайперов и разбивает ночной лагерь. Чтобы подхлестнуть свое воображение Сэм слушает музыку, которую любили слушать солдаты во Вьетнаме. Но реальность снова разруша-

ет ее фантазии – появляется Эммет, который искал племянницу всю ночь и по-настоящему испугался за нее. Эммет прямо говорит девушке о бессмысленности ее попыток инсценировать войну. Дядя убежден, что бегство Сэм на озеро – просто ребячество. Но Эммет видит в ситуации и более глубокий смысл и заставляет девушку признать его: она мстит дяде и отцу после того, как правда о войне оказалась не похожей на романтический образ, придуманный героиней. На рациональном уровне поступок Сэм – поступок обиженного подростка. Но на эмоциональном уровне ночевка на Каувудском военному опыту отца, которого она уже никогда по-настоящему не узнает и по которому тоскует.

Эпизод на Каувудском пруду становится поворотным в судьбе Сэм и Эммета. Вскоре Эммет, Сэм и ее бабушка отправляются в Вашингтон, чтобы посетить Мемориал погибшим во Вьетнаме. Эммет находит работу, Сэм решает поступить в университет и жить с матерью. В определенном смысле в последних эпизодах романа героиня преодолевает свой «пост-травматический стресс», подобный тому, от которого страдают ветераны. Она чувствует, что в ее жизни произошло нечто очень важное, и ей нужно время, чтобы привыкнуть к своему новому состоянию. Поездка к Мемориалу и завершает ее обучение. Автор романа обращает внимание, что *cfv gfvznybr* представляет собой как бы врытую в землю черную гранитную стену, имеющую вид буквы V, вершины которой указывают на памятники Вашингтону и Линкольну, как бы вписывая вьетнамскую войну в контекст истории Соединенных Штатов. Вид стены, на которой выбиты 58 175 имен американцев, погибших во Вьетнаме, потрясает героев. Мать, дочь и товарищ по оружию Дуэйна Хьюза, убитого на войне в 1966 году, оплакивают его, но каждый из персонажей испытывает особые чувства. Для Эммета минуты у памятника означают завершение скорби по погибшим друзьям и начало выздоровления. Когда Эммет находит на стене имена погибших друзей, он чувствует, что может прекратить свое добровольное изгнание и вернуться к людям: «Он сидел перед стеной, скрестив ноги, и постепенно лицо его, как пламенем, озарилось улыбкой» [2, с. 123]. Для бабушки, которая нежно гладит имя сына, выбитое на памятнике, это возможность воскресить память о сыне и стать ближе к нему.

Но для Сэм поездка в Вашингтон особенно важна. Возможность прикоснуться к имени отца и слезы девушки скрепляют ее эмоциональную связь с родным человеком, которую она искала. Более того, в указателе имен она находит свое собственное имя – Сэм Алан Хьюз – и тоже прикасается к нему на памятнике. Этот момент символически перекликается с ее признанием в том, что война касается ее. Героиня завершила свои поиски отца и правды о войне, свое путешествие от невинности к опыту. Она начинает по-настоящему сознавать, что такое война и, одновременно осознает, что она никогда по-настоящему не поймет, что случилось с этими ребятами на войне. Зато Сэм осознает себя частью выживших: солдат и гражданских, мужчин и женщин, сыновей и дочерей, которые должны хранить воспоминания о войне и скорбь по погибшим, но кто находит в себе силы жить. Саманта сознает, что никогда по-настоящему не поймет, что произошло во Вьетнаме. Она не сможет вернуть отца, не сможет вернуть свое блаженное детское неведение о жизни. За пределами ее сознания всегда останется что-то, что могут понять только воевавшие. Сэм осознает, что мир, который ее окружает, сложнее

чем ей кажется. Реальность, в которой она живет, не позволяет понять, что произошло с ее близкими во Вьетнаме. Но та же повседневная реальность обнаруживает и потенциал для изменения. Конфликт разрешается взрослением Саманты: она осознает, что не может сделать мир таким, каким ей не хочется, но может любить близких.

Роман заканчивается с надеждой на новую жизнь для всех героев, но прежде всего, для Саманты и ее дяди Эммета. Подобный финал книги можно рассматривать как традиционный *happy end*, но именно с ним связаны вопросы. После завершения романа остается впечатление, что автор книги просто заменяет один миф другим. Предыдущий миф – все солдаты, воевавшие во Вьетнаме, были палачами. «По телевизору нас представляют чокнутыми и убийцами», – говорит один из персонажей романа [2, с. 50]. Это представление зародилось среди антивоенно настроенных американцев еще в годы вьетнамской войны. Несомненно, такое отношение трудно признать справедливым, тем более что оно представляется явно упрощенным: основная вина возлагается на рядовых участников, а не на тех, кто принимал решение об отправке войск во Вьетнам и идеологически оправдывал войну. «Все только и делают, что упрекают нас. Не дают забыть», – злится Эммет [2, с.111]. Но миф об убийцах детей при всей своей несправедливости был порождением искреннего неприятия вьетнамской войны. Поэтому роман Бобби Энн Мейсон, который откликается на потребность восьмидесятых в ветеране-жертве, косвенно направлен против тех, кто выступал против войны. Уверенность Сэм в том, что в шестидесятых с их молодежным движением протеста против войны было лучше жить, чем двадцать лет спустя, ненавязчиво, но все же вполне определенно ставится писательницей под сомнение. «Большинство хиппи как-то сумели избежать армии. Воевали одни деревенские парни. Обрати внимание, какие имена на памятнике в Вашингтоне. Могу поспорить, на что угодно – самые простые, фермерские: Бобби Джин, Фредди Рей, Джимми Боб Колхаун. Эти парни были совсем дремучие. Господи, какое было время. Очень невеселое, Сэм» [2, с. 118], – убеждает Айрин дочь перед путешествием в столицу к памятнику погибшим во Вьетнаме. Миф о солдатах-убийцах заменяется в романе мифом о солдатах-жертвах. Так думают все персонажи романа, в первую очередь – бабушка Саманты: «Дуэйн воевал за благо-

родную цель и погиб. В то время люди не устраивали никаких протестов. Он верил в свою страну и был готов ехать туда и сражаться» [2, с. 97]. Протест против войны, который истолковывается как неискренний, противопоставляется жертвенности солдат, которые отдали все, не спрашивая ни о чем. Этот спор о войне заканчивается примирением у Мемориала, к которому приходят Эммет и мать Дуэйна. По сути дела, солдатская жертва оправдывается самим фактом жертвы, при этом настоящие жертвы, то есть вьетнамцы, оказываются лишь статистами в споре американцев между собой.

Конечно, автор романа не призывает к новой войне. Для нее очевидны трагические последствия той, что уже произошла, и эти последствия показаны в романе тем более отчетливо, что мы видим их глазами юной девушки. Более того, Бобби Энн Мейсон отмечает, что прошлое забывается слишком быстро. Еще не успели состариться ветераны вьетнамской войны, как их младшие братья готовы одобрить новые войны. «В старшем классе на истории девяносто процентов ребят проголосовало за вторжение на Гренаду. Из страха перед русскими» [2, с. 50], – грустно думает Сэм. Автор романа страдает ветеранам, которые совсем молодыми отправились на войну и вернулись оттуда с большой душой. Но война интерпретируется в романе как стихийное бедствие, которое калечит жизнь не в чем не повинных людей. Роман американской писательницы был опубликован в середине восьмидесятых годов и объективно, может быть, даже вопреки желанию автора, стал частью процесса оправдания войны во Вьетнаме, предпринятого при президенте Рейгане. Сострадание к ветеранам в сочетании с нежеланием думать о причинах войны оказалось очень удобным для американских идеологов, которые отчаянно стремились убедить американцев в справедливости не только войны во Вьетнаме, но и самого представления о праве США вести себя в мире, не связываясь никакими запретами. Дальнейшие события показали, что сострадание к ветеранам было использовано для оправдания новых войн, которые теперь следовало вести решительнее, убивать больше, чтобы исключить возможность сопротивления, и, желательно, руками роботов, чтобы не рисковать жизнями американских солдат и не создавать новых разочарованных ветеранов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Herzog Toby C. Vietnam War Stories / Toby C. Herzog. – Rootledge: N.Y., 1992. – 235 p.
2. Мейсон, Бобби Энн. Там и здесь [Текст] / Бобби Энн Мейсон // Иностранная литература, 1993. – № 2. – С. 5–59; N3. – С. 46-123
3. Price, J. Understanding Bobbie Ann Mason / J. Price. – University of South Carolina Press: Columbia, 2000. – 187 p.
4. Michael, Herr. Dispatches / Michael Herr. – N.Y: Alfred A. Knopf, 1977. – 224 p.